

ЕВГЕНИЙ АНТАШКЕВИЧ

Т Р И Л О Г И Я

ХАРБИН

Освобождение

FICTION

Харбин

Евгений Анташкевич

Харбин. Книга 3. Освобождение

«Центрполиграф»

2012

Анташкевич Е. М.

Харбин. Книга 3. Освобождение / Е. М. Анташкевич —
«Центрполиграф», 2012 — (Харбин)

Харбин, столица КВЖД, уникальный русский город на территории Китая, приютивший сотни тысяч беженцев из разоренной Гражданской войной России, на четверть века превратился в арену жесточайшей схватки разведок ведущих мировых держав. Одной из самых масштабных в истории того времени стала операция советской разведки «Маки Миразж». Полковник русской армии, прошедший Первую мировую кадровый разведчик Александр фон Адельберг и его повзрослевший сын оказались вовлечены в тайные, смертельно опасные войны спецслужб.

Евгений Анташкевич

Харбин. Книга 3. Освобождение

© Анташкевич Е.М., 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

* * *

Степан Фёдорович устало распрямился, развёл плечи и откинулся на спинку стула; снял «близорукие» очки, отодвинул от себя дела и положил на стол распрямлённые руки, потом встал и подошёл к окну. Из окна высокого пятого этажа мальцевского кабинета был виден Уссурийский бульвар, которым замостили Плюснинку; если бы можно было высунуться из окна, то, наверное, можно было бы слева увидеть его старый дом, в котором он родился, но, скорее всего, нет, потому что кругом уже построили новые многоэтажные дома, высокие, и они наверняка его загоразивали.

«Хороший оперок, «Же» Мальцев, несколько пожелтевших листков бумаги, и столько всего».

Читать он уже не мог, слишком много стало приходиться вспоминаний, хотя многие страницы архивного дела он только переворачивал. Ему захотелось прогуляться, он сложил документы в нижний ящик стола и вышел из управления.

Город стоял ещё пустой, отдельные граждане торопились к остановке трамвая на Шеронова, кто-то бодрым утренним шагом летел по Карла Маркса. Степан Фёдорович дошёл до остановки, сел в подошедший трамвай и через пятнадцать минут сошёл на площади около памятника Ерофею Хабарову прямо перед похожим на коробку из-под обуви зданием вокзала.

«Надо же! Перестроили! А жалко, старый-то – красавец был, а не вокзал, просто праздник! – подумал он. – Едешь-едешь из Москвы, кругом дикость, сопки, тайга да болота, и вдруг: крылечки, наличники резные из камня! Чудо! А этот...»

На пустой привокзальной площади, как будто бы забытые или брошенные, жались к тротуарам пыльные пустые машины. Дремали такси. Делать здесь оказалось нечего, и он повернул направо на Ленинградскую.

Он шёл по известной ему улице, смотрел по сторонам и ничего не узнавал. С одной стороны, по правую руку, она была застроена силикатными хрущёвскими пятиэтажками, заросшими под самые крыши серо-зелёными тополями, другая сторона была отдана железнодорожным постройкам полосы отчуждения и высокой насыпи Транссиба. Он шёл и понимал, что это уже другой город, который вырос без него.

«Узнаю или не узнаю? Вот тебе и ответ!»

Вдруг он замер перед неожиданно возникшими справа высокими железными воротами и настезь открытой калиткой. Поверх ворот возвышалась старая, крашенная синей краской церковь. Он заглянул в калитку, двор перед церковью был чист, пуст и, видимо, только что подметён, потому что на асфальте ещё были прочерченные метлой косые параллельные дуги и лежали толстые, похожие на свинцовые капли воды, покрытые матовой пылью.

«Батюшки, ты ещё стоишь?!»

Он вспомнил, как около этой калитки его мать, когда возвращалась с вокзала, где время от времени подрабатывала уборщицей, всегда останавливалась, потуже подтягивала узел платка, оправляла юбку, широкой ладонью сдвигала сестрёнке со лба косынку, медленно крестилась, кланялась...

Как ему тогда это всё не нравилось.

Он часто брал с собой сестрёнку и встречал мать с работы, когда ей удавалось что-то продать пассажирам или выменять у них. Тогда они шли по этой улице и подходили к этой церкви, и мать ни разу не прошла мимо. А ему было скучно, а ещё больше – страшно, если его, пионера, увидят в церкви, что потом делать, потом не отплюёшься! Но с матерью не поспоришь, тогда он подчинялся и только оглядывался.

Степан Фёдорович остановился, ему казалось, что это было так давно, что, может быть, и вовсе не было. Он вспомнил, как мать входила в церковь, покупала свечи, зажигала их и ставила, кланялась, потом долго молилась, крестилась, потом снова ставила свечи, и после этого они уходили. Он вспомнил особенный запах, тишину, полумрак и тёмные лики...

Он пересёк двор, дверь в церковь была открыта, внутри стояли люди, немного, всего несколько человек, со склонёнными головами. Степан Фёдорович огляделся, ничего не изменилось, или ему так показалось – тот же запах, та же тишина, и лики...

Он купил три свечи и тихо спросил:

– Где тут «за упокой», матушка?

Пожилая женщина в платке, продававшая свечи, показала ему влево на дверь и сказала:

– В приделе, квадратная! Под Распятием!

Степан Фёдорович вошёл в длинную узкую комнату, в которой стояло большое Распятие, и, не крестясь, зажёл свечи: одну матери, одну отцу и одну сестрёнке.

«Да, Степан Фёдорович! Нехристь ты и есть нехристь!» – услышал он голос внутри себя.

Голос он узнал! Конечно узнал, это был голос Петра Ивановича Матвеева, самого старшего в его разведгруппе – следопыта.

«Прости, Пётр Иванович! – мысленно ответил Матвееву Степан Фёдорович. – Толком даже, куда свечку поставить, не знаю».

Он вдруг вернулся к прилавку, купил ещё шестнадцать свечей, постоял, подумал и одну вернул. Женщина в платке посмотрела на него.

– Я ещё живой! – ответил он, снова вернулся к Распятию и по одной стал зажигать и ставить свечи.

«Петр Иваныч – тебе! Упокой, Господи, твою душу! Ваня Савватеев – тебе...»

Он видел их всех, своих разведчиков, они стояли на ночном лётном поле в одну шеренгу, в маскировочных халатах, с парашютными рюкзаками за плечами, с автоматами: Петр Матвеев, Саша Громов, Лёшка Слябин, Петя Головня, Ваня Мозговой, Коля Петровских, Виктор Карнуков, Никита Переверзев, Сергей Битюгов, Пров Калачёв, Дмитрий Фёдорук, Ваня Савватеев, Андрей Степашин, Андрюша Александров, Володя Чжан.

«Упокой Господь души ваши!» – мысленно промолвил Степан Фёдорович почти незнакомые ему слова, когда зажёл и поставил последнюю свечу.

«Видишь, Пётр Иваныч, нехристь нехристом, а всё – как ты хотел! Зашёл-таки! Недаром ты меня сюда звал!»

Он стоял, глядел на маленькие яркие трепещущие огоньки – надо было перекреститься.

«Да не умею я!»

Потом снова подошёл к прилавку и, не обращая внимания на молчаливый вопрос матушки, купил шестнадцатую.

«А это – тебе, Саньгэ, хоть ты и нерусский».

В последний раз он заходил в церковь и ставил свечи «за здравие» 5 августа 1945 года в Свято-Николаевском соборе в Харбине на опознавательной явке с агентом Енисеем.

1945 год

25 апреля, среда

Капитан Соловьёв свернул карту Харбина, довольно свежую, 1938 года издания, взял стопку документов, начал их просматривать и вдруг с шумом выдохнул:

– Ёпп-пиху мать! Я же просил... не подсовывай ты мне этих «ерошек»! Наплодили чертей! Я не умею читать ни по-китайски, ни по-японски! Ну? Саньгэ, г-гад! – Он двинул по подставке настольной лампы. – Ты чё сидишь! Давно бы уже всё перевели! Валандаетесь тут две недели!

Вдруг из темноты на его стол прилетела и шлёпнулась папка; от неожиданности он вздрогнул:

– Если ты закончил обзорные документы по городу, смотри вот эту папку, это твой харбинский связник Енисей.

Из конуса света напротив от соседнего стола на него смотрело уставшее лицо похожего на китайца капитана госбезопасности.

Соловьёв поджал губы, взял папку и положил её перед собой.

**Личное дело № 14562 «Енисей»
(дубликат).**

– А почему дубликат? – спросил он. – А где подлинник?

– Подлинник в Центре!

Соловьёв открыл папку, перелистал и сказал:

– Сегодня не буду, башка уже не варит, посижу с ней завтра, а может быть, и сегодня, только когда ты уйдёшь. – Потом подумал и спросил: – Так, чё вы так долго валандались с переводами по Герасимову?

– Разговоры с ним разговаривали, вот и не успели. Там на перевод одна страничка, инструкция штаба Квантунской армии, она тебе и попалась, сделаем! Торопиза надо – бу яо!

Степан расстегнул ворот гимнастёрки, подвинул лампу на место, встал из-за стола и, странно ухмыляясь, сказал:

– Торопиза нада! Торопиза– яо! Саньгэ, а хочешь, я тебе покажу китайский Генштаб в годы войны?

Капитан удивлённо посмотрел на Соловьёва, тот вихляющей походкой прошёлся между их столами, на одной ноге, по-клоунски, крутанулся, повернулся к собеседнику задом, низко согнулся над своим столом, будто он разглядывает оперативную карту, сунул руки в карманы и раздвинул ими галифе во всю ширь, вывернул голову и с ухмылкой спросил:

– Ну как? Похоже?

Капитан секунду не двигался, потом пихнул Степана в зад, Степан не удержался, подался вперёд, руки у него были в карманах, и он, задрав лицо, подбородком и грудью проехал по лежащим на столе бумагам, упёрся носом в чернильницу и в большие коробки с делами.

– Сволочь, – успел крикнуть он и тут же застонал с заломленной за спину рукой. – Японский! Японский Генштаб! Пусти, морда косоглазая!

– То-та! Сам морда! Лысая! – выдыхая воздух, сказал капитан и свободной рукой поднял Степана за ворот гимнастёрки: – Японски Генстаб – луцце!

Степан медленно распрямылся, выдохнул, лениво повёл плечами и вдруг развернулся, ухватил капитана обеими руками за правую кисть, поднял её и, резко подсев, попытался вывернуть за спину, проскочив у капитана под мышкой, но неожиданно охнул, схватился за пах и присел на обеих ногах.

Несколько секунд оба шумно дышали и молчали.

Степан поднял на капитана глаза и спросил:

– А если бы ты чуть сильнее двинул, и чё? Яичницу прямо в сапогах жарить?

Капитан присел перед Степаном тоже на корточки, нос к носу, и произнёс:

– Японски Генстаб красивый еси! А твой я-и-сыница исё при тебе!

– Ладно, хрен с тобой.

Степан неожиданно легко распрямился и, пружиня на упругих толстых ногах в литых хромовых сапогах, прошёлся по кабинету.

– Спасибо, что уберег, век не забуду!

Капитан как ни в чём не бывало вернулся за свой рабочий стол. Степан ещё немного потоптался по скрипучему деревянному полу, на месте ему явно не сиделось.

– Эй, ты! Убивец моих будущих детей, а ты где так ловко научился хорошим людям руки за спину заворачивать?

Похожий на китайца капитан, которого Соловьёв назвал Саньгэ, затянулся папирсой, густо выдохнул дым, уткнулся в бумаги и сказал:

– Пока твоя Москва развлекался, я здесь своя правда стоял. Китайса хоросо борьба знает. Они били – я уцился.

– Китайса, китайса! – Степан задумчиво почесал в начинающем лысеть затылке. – А говорят, ещё японса хорошо борьбу знают.

– Японса я не знаю, китайса знаю!

– Где бы мне взять такого китайса да моих гавриков подучить.

– Им не нада! Они нада стреляй умей, ножик умей, а главное, молчи умей.

– Много ты понимаешь! Молчи умей, не ссы умей! Всё умей! Всё надо умей! Там ничё лишнего нету! Слушай, – вдруг без всякого перехода спросил он и хитро подмигнул, – а китайский мандарина так ходит?

Он надул толстенький живот, подоткнул руки в бока и смешно, враскорячку, мелкими шажками прошёлся по комнате, Саньгэ с медленной угрозой поднял на него смеющиеся глаза.

– Ладно, ладно! Знаю! Так ходят японск самурай! Я вот чё хочу тебя спросить. Герасимов этот, как он, разговорчивый мужик? На контакт идёт?

Капитан задумался, откинулся на спинку стула, его лицо исчезло в темноте, в свете лампы остались только бритый подбородок, блестящие пуговицы застёгнутого ворота гимнастёрки и положенные на стол прямые руки.

– Это было за две недели до твоего прибытия, в конце марта. Да, вот справка, читай!

Степан взял из его рук скреплённые бумаги, полторы страницы текста и начал читать.

«О выводе на территорию СССР

белобандитского главаря

Сазонтьева И.И.

25 марта 1945 г. на сопредельную сторону, на участке Благовещенск –

Сахалин, была выведена агентурно-рейдовая группа в составе десяти человек с целью захвата одного из лидеров бело-бандитов в Маньчжурии Герасимова И.И...»

Соловьёв вчитывался в машинописный текст сухого оперативного документа и внутренним зрением видел то, что происходило в китайском городе Сахалине в ту ночь, как будто бы сам принимал участие в операции. Он видел, как несколько чёрных фигур, чуть шурша обувью по прибрежной гальке, сели в четыре лодки, кто-то тихо сказал: «Пошли!», и четыре пары вёсел бесшумно загребли воду. Через час лодки подошли к берегу в километре от Сахалина, из них высадились шесть человек, и лодки также тихо ушли вниз по течению. Группа обошла город по западным окраинам и с юга зашла в тёмные кварталы. Примерно через час на одной из улиц недалеко от единственного на ней двухэтажного бревенчатого дома остановилась двухосная телега. Возница на телеге курил трубку и мурлыкал под нос китайскую мелодию. Он просидел минут тридцать, и на улице, со стороны Амура, появилась пошатывающаяся человеческая фигура. Пьяный мужчина шел, опирался о заборы и матерился. Он приблизился к дому, вошёл в заскрипевшую калитку, и тут же бреханула и заскулила собака.

– Цыц, лешак! – грозно сказал пьяный мужчина и уже ласково добавил: – Спокойно, лохматый, это я, «твоя хозяин».

По внешней деревянной лестнице он поднялся на второй этаж и хлопнул дверью. Внутри дома на втором этаже хлопнула ещё одна дверь, тяжёлые сапоги проскрипели по деревянному полу, и два окна, выходившие на улицу, засветились тусклым светом. Телега с китайцем-возницей тронулась с места и медленно подкатила ближе к калитке. Пес зарычал и рывкнул, запахнулась форточка, и сверху послышался грозный окрик:

– Хорош брехать! Людям спать не даешь!

Форточка осталась открытой, и ещё минут пять было слышно, как вошедший тянул пьяную песню. Потом свет погас, и стало тихо. Китаец-возница перестал мурлыкать и подкатил вплотную к забору. В этот момент из темноты, как тени, выскочили пять человек, запрыгнули на телегу и с неё, как с подножки, мигом перемахнули через забор, собака рывкнула и сразу же умолкла.

– Ну! Брехастый! Молчи, кому сказал! Э-э-эх, жисть – колесо... твою м... – выругался мужик на втором этаже, и через открытую форточку стало слышно, как он захрапел.

Тени поднялись по лестнице, бесшумно отворили дверь и вошли, послышалось барахтанье, но оно быстро смолкло, окна осветились и сразу погасли. Тени, неся что-то тяжёлое, спустились, вышли через калитку, свалили длинную, в человеческий рост, завёрнутую поклажу в телегу и исчезли в темноте. Возница снова замурлыкал песню, телега, грузно заскрипев колёсами, повернула на восток и скрылась на улице, параллельной Амуру...

В конце документа Степан прочитал подпись:

«Ст. оп. уп. 1 отдела УНКВД СССР ДВК
Капитан Чжан Вэнсянь».

Он посмотрел на соседа:

– Это всё?

Саньгэ пожал плечами:

– Это фсё! Только ходили – три раз. Первый раз не полуцился. Один свой, исё в лодке дабяньла.

– Чего? – не понял Степан.

– Циво-циво! Говна штаны клади. Трусы оказался!

– Трус по-нашему будет! – уточнил Степан.

– Ну, твоя умный, капитана! – Саньгэ затынулся. – Второй раз два ночь засада сидел. Его не присол. Потом только, на трети рас! Твоя справка цитала? Вот!

– И как он?

– Его снацяла молцяла, только весь белый был. Не верил, цто мы его из самый Сахаляна укради. Говорил, цто мы японск провокатор, цто проверяем. Пришлось по Хабаровск катать: в окно вокзал видел, утёс видел... только тогда поверил. А так молцяла. Ругайся шьырко!

– Молодцы! – задумчиво произнёс Степан. – Ловко вы его! А я думал только мы там, на западном, туда-сюда бегай. – Он отодвинул бумаги: – И чё, братка? И твоя там был?

Саньгэ оторвался от бумаг и хмыкнул:

– Твоя неумный, капитана. Цитай мо еси! Моя был. Как не был?

– И чё, ты его прям-таки через весь Сахалян в телеге до самого Амура катил? И он даже не шелохнулся?

– Сьырко пьяный был, и баска болел – пистолет, руцька сьыбка цизолый. Ни цё не помнил, только Благовесенске оцюхался.

– Да-а! Смелый ты, братка, – протянул Степан. – Ну а как бы япоши тебя сцапали да на крысу посадили?

– Снацяла поймай, потом на крысу сади! А я несмелый. Твоя, братка, – смелый, парасутом прыгай. Моя никогда бы не смог.

– Смог бы, чё не смог!

– Не! Не смог бы. Сыбка высака и холана. Ветер сыбка ухи ДУЙ!

Степан задумчиво посмотрел на Саньгэ и спросил:

– Сань, а Сань! А ты чей-то на китайса-матайса заговорил? Ты по-русски-то лучше моего всегда писал. Пятёрочник хренов!

Капитан улыбнулся загадочной улыбкой восточного человека, достал из стола «казённую», обил о край стола сургуч и налил в стаканы.

– Лягушку помнишь? – спросил он на нормальном русском языке, без китайского акцента.

– Ха! Это как мы с тобой познакомились-то? Кому рассказать!.. Такое разве забудешь?

– А чё ты в тот день в школу не пошёл?

Степан взял стакан:

– А ты сам чё там делал, так далеко от твоей прачечной?

Саньгэ разрезал головку лука и разломил пополам хлеб.

– Завтра к начальнику отдела бы ещё не ходить!

Они чокнулись и выпили.

– А ты иди сразу ко мне сюда в подвал! – Степан хрустнул луковицей. – Ты не ответил на вопрос!

Капитан долго занюхивал водку хлебом и манжетой гимнастёрки, потом луком и вытирал слёзы.

– Отвечу, дай закусить! – Он достал папиросы. – Отвечаю в обратном порядке: сначала мне надо будет подняться к начальнику, подписать документы на вашу экипировку, разные там гражданские штаны и рубашки, и второе – в тот день я уже отнёс стираное бельё и возвращался домой, а ты её мучил.

– Да, было дело, – задумчиво произнёс Степан.

В тот день Стёпка отлынивал от последнего урока. Второклассник, он уже понял, что в конце последней четверти ничего нового не произойдёт, что все свои «уды» он получил, «неудов» у него не было, и если он в этот майский солнечный день прогуляет последний урок, то ничего дурного не случится, уже просто не успеет случиться; отца дома не было, он на работе, а мамка не заметит.

Он сидел на корточках, прижав коленками к груди матерчатую сумку со школьными тетрадками, и сорванной веткой с болтавшимся на самом конце единственным листиком гонял лягушку. Лягушка прыгала к воде, и Стёпка хлопал у нее перед носом, тогда она прыгала в обратную сторону, и Стёпка снова хлопал у неё перед носом, и лягушка снова прыгала, но уже опять к воде. Это развлекало его, он знал, что, если лягушка допрыгает до воды, она исчезнет в мутной весенней Плюснинке, и ему ничего не останется, как разогнуть колени, закинуть сумку за плечо и по шаткой деревянной лестнице подняться домой, а чё там? А там маленькая сестрёнка, которой надо вытирать сопли, мамкина суета и никакой жизни – одни заботы!

Вдруг из-за Стёпкиной спины кто-то ногой спихнул лягушку в воду. У Стёпки перехватило дыхание, он, не оглянувшись, как пружина разогнулся и снизу вверх бросился на того, кто это сделал.

Стёпке повезло, обидчиком оказался не солдат-красноармеец, не учитель ботаники и зоологии из его школы, не корейский огородник или дюжий извозчик, а такой же, как он, паренёк лет десяти – одиннадцати, только китаец, а может быть, кореец – они все на одно лицо. Стёпка молча стал подминать обидчика под грудь, норовя ударить его коленкой куда надо, одной рукой душил за горло, другой цеплялся за ухо и щеку, но получалось не очень. Стёпка

был хотя и не самый большой, но самый крепкий и хватистый в классе, он не боялся драться, сам лез во все драки, и иногда от него доставалось даже мальчишкам постарше, но обидчик тоже оказался не промах. Он дёргался, сучил руками и ногами, иногда доставал Стёпку и мешал ему нанести решающий удар, а пальцами лез прямо в глаза. Стёпке приходилось отмахиваться от него, ничего решительного не получалось, и схватка проходила на равных.

Вдруг кто-то сильной рукой ухватил его за ворот и оторвал от мальчишки. Стёпка ещё продолжал молотить кулаками по воздуху, мальчишка на земле тоже ещё дергался, но его округлившиеся глаза с удивлением смотрели вверх Стёпкиной головы.

Стёпку поставили на ноги, после хорошей затрещины он на секунду оглох, и развернули. Ему в глаза внимательно смотрел отец.

– Сколько раз я тебе говорил, сукин сын, не дерись из-за ерунды. Подумаешь, лягушку в воду спихнули, так ей там и место.

Стёпка висел за шиворот в папкином кулаке и захлебывался, не от оплеухи, это было дело привычное, а оттого, что он не побил китаёзу, и не дай бог, если кто-нибудь из плюсинских пацанов это видел. А то, что отец наподдал, – это наплевать.

Он уже стоял на земле, удерживаемый за шиворот, кипел и косил глазом на китайчонка, чтобы тот не убежал, надо было довести дело до конца. Отец послунывил палец, вытер кровь с новой Стёпкиной ссадины на щеке возле уха и повторил:

– Не дерись из-за пустяков! – И повернулся к китайчонку, который пытался убежать, но был схвачен: – Тебя как зовут?

– Саньгэ!

– Саньгэ – «третий старший брат», а где остальные?

– Не знай, моя сама.

– А мамка, папка где?

– Не знай, – китайчонок куда-то махнул рукой, – Китай! Я одна!

– Один, значит, он здесь! – утвердительно произнёс отец и переспросил: – Один?

– Одна! Шидэ!

Отец посмотрел на Стёпку:

– «Шидэ» – это по-китайски значит «да»! Наматывай!

«Ещё чё? Наматывай! Ты меня только отпусти, я наматаю», – подумал Стёпка и, насупившись, промолчал.

– Лет-то сколько?

– Не зынаю, цесяць.

– Десять, Стёпка, слышишь, как тебе, – почему-то обрадовался отец.

От ненависти и негодования Стёпка снова промолчал.

– Чем занимаешься?

– Стилай! Носи!

– У китайских прачек, разносит стирное, а живёшь где?

– Казацы голка.

– На Казачке – Казачьей горе. Ну да! Они, китайцы-прачки, все там живут. Мэй ёу фанцзы – китайса его люди!

– Китайса холосы люди, – сказал китайчонок, он уже смирился и стоял тихо.

– Хоросы, хоросы, – повторил отец, повернулся к Стёпке и сказал: – Запомни, сына, я только благодаря «китайса хоросы люди» из тайги живым вышел. Так-то! А то бы всё – мэй ёу фанцзы!

Отчего-то после этих слов Стёпка стал остывать. Он, конечно, порвал бы этого китаёзу на мелкие клочки, но вместо этого неожиданно сказал:

– Пусти, бать!

Отец разжал руку, глянул на дверь, куда вела деревянная лестница находившегося в десяти шагах двухэтажного кирпичного дома, и громко крикнул:

– Мать, а мать!

Через секунду дверь во втором этаже отворилась, и на маленькую площадку под навесом, на которой можно было только развернуться, вышла женщина. Она была в переднике, с красными мокрыми руками, её волосы были закручены в тугий узел и подвязаны платком.

– Ты чё там с ними, Фёдор? Стёпка, быстро домой!

Стёпка дернулся, но отец удержал его за плечо и сказал матери:

– Мать, по блину-то найдётся для троих сирот?

– Типун тебе на язык, лешак таёжный! Ну поднимайтесь, чё ли!

Она, не очень довольная, повела плечом и вошла в открытую дверь.

Троица двинулась к деревянной лестнице.

Наверху в крошечной кухоньке мать усадила всех за стол и из большой глиняной миски стала наливать в раскалённую чугунную сковороду белое жидкое тесто. Через несколько минут на столе появился первый блин, потом второй...

Отец сел за стол вместе с мальчишками и смотрел, как они ели горячие, с огня, блины, макая их в пахучее семечковое масло, вдруг Стёпка оторвался от еды и, ещё не прожевав, с полным ртом спросил:

– Бать, а бать, а как ты из тайги живым вышел? – Он знал, что отец к китайцам относился как-то по-особенному, мать говорила, что он им обязан жизнью.

Вопрос застал отца врасплох.

– Как вышел, как вышел? Так и вышел, потому что «китайса хоросы люди»!

Стёпка ничего не понял, но, увидев, что отец задумался, вздохнул и снова принялся за еду.

На следующий день отец пошёл в школу и попросил директора записать китайчонка «в класс». Директор, старый гимназический интеллигент, сопротивлялся и уверял, что «учебный год уже кончается, у китайцев нет способностей к изучению русского языка, а без этого никакая учёба впрок не пойдёт», однако отец, красный партизан, настоял на своём и ходил жаловаться в крайисполком, а может быть, только грозился. Для «дореволюционной сволочи» этого оказалось достаточно, и в конце концов всё решилось в пользу Саньгэ. Заминка вышла только в двух вопросах: когда он родился и как его фамилия-имя-отчество. Отец подумал и сказал, чтобы его записали, как и его Стёпку, 20 июня 1915 года рождения и Александром Фёдоровичем Антоновым. Объяснил это так: его самого от японцев спас китаец Антошка, поэтому фамилия – Антонов; китайчонок сказал, что его зовут Саньгэ, – значит, Санька, то есть Александр, ну а отчество дал своё – Фёдорович. И появился у Стёпки вроде как брат или, как говорили китайцы, «братка» – Санька-Саньгэ.

Стёпка, уткнувшись в миску, «чифанил» и ни на кого не глядел после ответа отца. За него, не отрываясь от еды, крутил головой китайчонок, он впервые был внутри русского дома, раньше дальше порога его не пускали, и ему было всё интересно. Стёпка глянул на него, увидел, как тот «зырит» по сторонам, «лыбится» и по смуглым щекам растирает кулаком лоснящееся масло, и подумал, что он ему ещё отомстит, но потом, «когда-нибудь».

Стёпке незачем было глазеть, он здесь родился и вырос и знал каждый уголок этого большого двухэтажного кирпичного дома, который до революции принадлежал хабаровскому купцу Бакшееву, убежавшему вместе с белыми в Китай. Дом стоял на правом берегу реки Плюснинки, которая впадала в Амур. Жилище досталось как бы по наследству, так как мать ещё совсем девчонкой нанялась к Бакшеевым прислугой. Она вышла замуж за уссурийского охотника Фёдора Соловьёва, и после бегства купца они осталась жить в комнате прислуги, там она родила Стёпку и Машеньку.

Стёпкина семья жила неплохо, без особого богатства, но достаток и сытость были. Фёдор был мастеровой мужик, летом работал в городе, осенью на путине заготавливал красную рыбу и икру, а зимой до апреля уходил в тайгу бить зверя.

Город обосновался на трёх параллельных пологих хребтах, между которыми протекали и впадали в Амур Чердымовка и Плюснинка. По хребтам жители проложили три главные улицы: по среднему хребту прошла центральная улица графа Муравьева-Амурского, она начиналась от пустыря, вокруг которого построились богатые кирпичные особняки, и заканчивалась большой площадью с кафедральным собором и утёсом. Между собором и утёсом был парк, а под утёсом – причалы и короткая набережная Амура.

На Дальнем Востоке неплохо жили даже в самые ранние годы. Тогда первые переселенцы из голодной России только-только начинали осваивать берега Амура и Уссури, и если не хватало привычной пищи, то от голода и цинги спасали таёжные дикоросы, охота и рыбалка.

Свою родовую Стёпка вел от прадеда – переселенца Панкрата, крепостного егеря брянского помещика. От Панкрата повелось, что Соловьёвы хотя и были крестьянами, но больше тяготели к лесу, охоте и рыбалке, чем к земле.

Стёпкин дед Матвей, Матвей Панкратович, родился в 1861-м, в год реформы. Обстоятельства его рождения были мутные и в семье передавались шёпотом, вроде как егеря Панкрат застрелил барина за то, что тот покушался на его жену, а через девять месяцев она родила Матвея. Полиция пыталась егеря, но не допытала, когда однажды в одном месте нашла двоих убитых – барина и медведя. Медведя точно убил Панкрат, но кто убил барина, так и осталось тайной. По округе ходили разные слухи, поэтому егеря, когда объявили волю, собрал жену и маленького сына и подался с переселенцами в Сибирь, а дальше – в Забайкалье. Дорога была тяжёлая, жена не вынесла тягот и умерла. Панкрат остался с маленьким Матвеем, по дороге он прихватил гуранку из какого-то таёжного села на восточном берегу Байкала, потом, уходя от погони по Шилке сначала на плоту, а дальше с партией переселенцев, пришёл в Хабаровск. Долго искал место подичее и повольнее и в конце концов встал на речке Бикин, которая впадает в Уссури. Там егеря на краю сделанной переселенцами росчисти отрыл землянку, раскорчевал огород и с подросшим Матвеем подался в тайгу.

В 1890 году в семье Матвея родился Фёдор. Егеря Панкрата тогда в живых уже не было – он пропал в тайге, не оставив следа, только удэгейцы из ближних стойбищ шептались, что он с кем-то не поделил женьшень.

Фёдор тоже рос между тайгой и селом. Когда пришла пора, он сначала с отцом, а потом и сам стал ходить таёжничать. Летом рыбачил, огородничал, зимой промышлял на Сихотэ-Алине. Он был одним из лучших охотников в округе и жил безбедно, но тревожно, опять же из-за соседей. Поэтому, когда стало совсем невмоготу, забрал старую и больную мать и переселился в Хабаровск. В 1915 году, когда Фёдору минуло двадцать пять лет, в его семье родился сын, правнук егеря Панкрата – Степан.

В 1920-м Фёдор ушёл к партизанам, на Уссури хозяйничали японцы и белые, лютовали страшно: прочёсывали облавами тайгу и изводили смертью каждого, кто вызывал подозрение. Фёдор тоже побывал в японском плену, хотя и недолго, но памятно.

Фёдор смотрел, как мальчишки управляют с блинами, и думал, что когда-нибудь ему придётся рассказать сыну историю о том, как он «живым вышел из тайги», потому что «мэй ёу фанцзы», а китайцы – «хоросы люди».

Его разведка, наблюдавшая за движением эшелонов на участке Гродеково – Уссурийск-Никольский, была смята японцами моментально. Они зашли с тылу и в упор расстреляли всех пятерых. Трех сразу насмерть, двоих ранили: Чжан Вэя навывлет в колено и правое плечо, Фёдора скользом в бок и оглушило взрывом гранаты. Очнувшись, он почувствовал, что привязан спиной к какой-то длинной толстой палке. Дышать было трудно, сверху на нём

лежало ещё несколько тел. Во рту пересохло, тонкая грубая верёвка, которой он был привязан, больно резала рот, язык пытался найти привычное положение и нестерпимо тёрся об эту верёвку.

Когда он пришёл в себя, то понял, что рядом лежит кто-то живой, он ничего не слышал, в голове стоял гул, но чувствовал, как рядом с ним то мелко, то крупно вздрагивает чьё-то тело. Насколько мог, он скосил вбок глаза и голову и упёрся носом в китайские матерчатые тапочки.

«Чжан!» – понял Фёдор.

Чжан мелко вздрагивал ногами. Он, как и Фёдор, тоже был вдоль хребта привязан к такой же длинной палке. Фёдор разглядел, что это была орешина. Сверху на Фёдоре и Чжане лежали ещё три тела, они были мёртвые, так как на них не было верёвок, и они не были привязаны, а просто сброшены на него и Чжана. Лицом вниз, бородой почти в самые глаза лежал старый Марке – лыч, рядом – железнодорожный рабочий с Иманской станции Верхотуров, а Чжан Вэю носками в лицо упирались сапоги владивостокского докера Серёги Малышева.

«Всех положили, только мы с Чжаном живые!» – с тоской подумал Фёдор. Он знал, как японцы долго и до смерти пытаются партизан, и боялся этого больше всего.

Когда они бросали труп Маркелыча, его локоть завернулся и упёрся Фёдору под дых. Дышать было нечем, каждый ухаб, на которых трясло телегу, приносил сильную боль.

Через какое-то время телега остановилась, Фёдор увидел, как японские солдаты подхватили мёртвых и свалили их на землю. Потом они ухватились за концы орешины, к которой он был привязан, подняли над телегой и понесли. Фёдор кувыркнулся и провис, как подвешенный кабан, только лицом вниз. Японцы шли в ногу, орешина пружинила, и одна из петель верёвки тёрла его раненый бок. Под его глазами мелькала и прыгала трава.

«Куда несут, – подумал он, – сразу в топку или на сук, или ещё поговорить захотят?» Он не успел додумать этой мысли, как его занесли в тёмное помещение и бросили на сухой деревянный пол. Он ударился носом, захлюпал пузырями полившейся крови и потерял сознание.

Очнулся от холодной воды, которой его окатили, и понял, что его прислонили спиной к стене и он стоит. Он стоял на негнущихся ногах, плотно привязанный к своей орешине, которая и держала его, не позволяя согнуться и упасть.

Три японца, составив карабины в угол низкого и тёмного зимовья, что-то делали с Чжан Вэем. Тот лежал на полу, все его тело, лицо и волосы были мокрые, видимо, японцы его тоже окатили водой. Из живота и колена китайца сквозь рваную одежду сочилась кровь. Чжан находился в полусознании и плохо понимал, что происходит, он только глухо мычал и поводил красными мутными глазами.

В дальнем углу зимовья Фёдор увидел четвёртого японца – это был офицер. Он стоял, опёршись двумя руками на уткнувшийся в пол, слегка изогнутый меч с длинной рукояткой в кожаной оплётке, и наблюдал за действиями троих других.

«Неужели их было только четверо, – подумал Фёдор, – не может быть, они меньше десяти не ходят».

В этот момент в избу зашли ещё два офицера, что-то доложили первому, он им что-то скомандовал, один из трёх солдат бросил возню с китайцем, схватил свою винтовку и убежал из зимовья. Вошедшие офицеры откозыряли и ушли за ним. Фёдор услышал отрывистые, громкие и непонятные команды и удаляющийся топот нескольких десятков пар ног. Он подумал, что хоть не обидно, что их пятерых взяли не трое и не четверо японцев, и тут поймал на себе взгляд стоявшего в углу офицера. Взгляд был недобрый. Фёдор опустил глаза и посмотрел на Чжана. Тот, видимо, на какое-то мгновение пришёл в себя и обводил глазами зимовье, офицер заметил это, вышел из угла, встал в головах у китайца и что-то его спросил. Чжан задрал глаза, но только невнятно промычал и отрицательно покачал головой.

Всё происходило у Фёдора на глазах. Он стоял у боковой стены, входная дверь была справа от него, и через неё лился свет прямо на лежавшего ногами к двери Чжан Вэю. В головах

у него, у низенькой печурки, стоял японский офицер и плашмя держал меч на лбу Чжана, упираясь скошенным концом лезвия в переносицу китайца.

«Понятно, – подумал Фёдор, – почему первым они взялись за него, он сильнее ранен и быстрее истечёт кровью, и офицер, видать, говорит по-евонному, а по-русски – не очень».

Офицер ещё раз повторил вопрос, Чжан снова отрицательно покачал головой, и тогда офицер коротко ткнул мечом вперёд и срезал кожу с переносицы китайца. Чжан резко дёрнулся и со свистом выдохнул воздух. Офицер, не сходя с места, вытянул меч и, как ладонь об штаны, вытер кончик клинка с обеих сторон о кожу на животе Чжана. Потом он на своих коротеньких кривых ногах молча прошёл между Фёдором и Чжаном, привалился к низкому дверному косяку и почти перегородил свет. Он крикнул что-то наружу и через несколько секунд пропустил мимо себя двух солдат, которые внесли накрытый большой крышкой чёрный чугунный котелок. Дальше всё произошло очень быстро. Солдаты подошли к Чжану с боков, опрокинули котелок ему на живот, потом выдернули крышку и всё это придавили к животу китайца как раз там, где японец вытер клинок.

На секунду все замерли.

Через мгновение внутри котелка что-то заскреблось. Фёдор увидел, как тело Чжана сначала вздрогнуло, потом попыталось согнуться и как бы втянуть в себя живот, а потом разогнуться и скинуть с себя котелок. Но китаец был крепко привязан верёвками к орешине, и только его глаза выкатывались из орбит. Натянулись жилы от скул к ключицам, и рядом с верёвкой на шее остро выпер кадык. Внутри котелка всё так же что-то скреблось, потом стало чавкать, и тут Фёдор услышал писк.

«Крыса! – пронзило Фёдора. – Голодная крыса!»

Солдаты молча прижимали котелок к животу китайца. Офицер встал сбоку от Чжана, напротив Фёдора, и прислонился спиной к стене.

«Это то, что будет потом со мной», – невольно подумал Фёдор.

Все молчали, только Чжан с выпученными глазами дёргался и бился плечами и пятками об пол. Он открыл рот, и кровь тонкой плёнкой натянулась у него на губах и сразу ушла в горло, как в воронку. Лоб Чжана напрягся, побагровел, и он выдохнул всей грудью яркий кровавый фонтан брызг, которые сверкнули рубинами в косом солнечном луче. Офицер тихо крикнул, отступил в сторону, вытащил из кармана галифе белый платок и стал промокать попавшие на них красные, ещё не впитавшиеся капли.

Фёдор перевёл глаза на Чжана. Тот был жив, он клокотал и горлом и грудью, из его открытого рта вываливались куски мяса попеременно с чем-то блестящим и белым. Фёдор понял, что это был откушенный им язык и раскрошенные зубы.

Японцы сняли котелок и выбросили его в дверной проём.

Все смотрели на дёргающееся тело китайца. Фёдор тоже смотрел, и то, что он видел, заставило его забыть о своей боли.

Живот Чжана ходил ходуном, как мешок, в котором бьётся поросенок или пойманный заяц. Иногда кожа выпирала изнутри чем-то острым, наверное, это крыса тыкалась оттуда носом. Ей уже не хватало воздуха, она захлёбывалась во внутренностях, пыталась прокусить кожу и выскочить наружу, тогда офицер бил по животу Чжана мечом плашмя, а солдаты били прикладами.

Так продолжалось несколько минут.

Потом Чжан затих, а ещё через минуту почти затих и живот. Он ещё шевелился и вздрагивал, но уже вяло.

Офицер скомандовал солдатам, и те вынесли Чжана из зимовья. Офицер какое-то время стоял опираясь на меч, потом машинально провёл по лицу не просохшим ещё платком и оставил на лбу и щеке красные полосы.

Фёдор увидел, что японец тронулся в его сторону, перешагнул через то место, где только что лежал Чжан, снизу вверх двумя руками поднял меч до уровня глаз и несильно ткнул им Фёдора в ноздрю. Встав к нему почти вплотную и держа Фёдора на острие клинка, японец тихо по-русски спросил:

– Где остальные?

Фёдор расслышал вопрос, но не услышал, что в это время за дверью зимовья что-то два раза сильно хряпнуло. Он только увидел, как в луче света чёрная фигура проскочила внутрь и оказалась с боку около офицера. Фёдор не слышал выстрела, но почувствовал, как содрогнулся воздух внутри зимовья, и увидел, как офицер вздрогнул, остановившимися глазами глянул на Фёдора, обмяк и повалился на спину, сгибая колени.

В глазах все поплыло, Фёдор повис на верёвках, которые две тёмные фигуры со смуглыми раскосыми лицами резали измазанными кровью японских солдат ножами.

Он очнулся от дуновения свежего воздуха. Солнце садилось в тайгу, и появилась прохлада. Развязанный, он лежал на небольшой поляне перед зимовьем, рана в боку уже так не саднила, Фёдор провел по ней рукой и нащупал сухую повязку.

Когда он зашевелился, к нему тут же подбежал совсем молодой китаец с кружкой в руке. В кружке оказался пахучий отвар, уже остывающий, и Фёдор, держа кружку двумя руками, стал пить.

Китайцев было трое, они были заросшие, с повязками на голове и в лохмотьях. Японскими штыками они ловко рыли землю, вырыли уже много, и раздетые японцы, все трое – два солдата с проломленными черепами и офицер, лежали рядом.

Фёдор повёл взглядом и увидел Чжана. Он все ещё лежал, привязанный верёвками к орешине. Китаец, давший Фёдору кружку, перехватил его взгляд, коротко кивнул в сторону Чжана и неожиданно по-русски сказал:

– Братка!

Мысли в оглушённой голове ворочались медленно, лес перед глазами ещё плыл, но уже начали возвращаться запахи и звуки, и Фёдор слышал, как японские штыки скреблись об землю и звякали по камням, и запах из кружки показался ему знакомым – это был землистый запах женьшеня.

«Женьшень! Этим китайцы меня быстро на ноги поставят», – сообразил он и снова перевёл взгляд на Чжана. Он сначала подумал, что бредит, но, ощутив в руке тёплую кружку, понял, что то, что он сейчас видит, происходит наяву. Чжан лежал лицом вверх. Он был то ли синий, то ли чёрный в лучах заходящего солнца и – шевелился. Фёдор тряхнул головой, но Чжан действительно шевелился. Дрогнула нога, дрогнул живот, он как-то стал мелко подрагивать весь, как будто его кто-то толкал изнутри.

«Крыса, она ещё живая!»

Крыса толкалась острым носом и лапками изнутри, пытаясь прогрызть кожу и выбраться из живота. Он увидел, как из ранки, как иголкой, сначала проткнулся коготок, потом появилась лапка, и тут же рядом показался нос и вылезла голова. Чёрная, залезанная, мокрая и липкая, крыса высунула голову только на мгновение и сразу пискнула, почуввав свободу. Ещё миг, и она бы соскользнула с мёртвого тела и заострённой тенью исчезла в траве. Фёдор только охнул, не отрывая взгляда от мёртвого Чжана и крысы, китаец, который сказал «Братка», увидел его взгляд и крысу, рванул из-за пояса маузер и не целясь выстрелил.

На месте крысиной головы брызнула клякса в красных лучах, и крысы не стало.

– Зывой, сука его люди, долга зывой – крыс японьск. Весь братка кусал, – сказал китаец, обернулся к Фёдору и добавил: – Моя – Чжан еси, Антошка, так моя русски люди зовут. – Потом кивнул в сторону Чжана и ещё раз повторил: – Братка! Пей цяй, сила многа!

До темноты китайцы зарыли японские тела, похоронили Чжана, сделали Фёдору подпорки-костыли и пошли с ним в сторону Гродекова.

Шли медленно, давая возможность ему отдыхать. От китайских растёртых порошков под повязкой и отвара женьшеня у него прибавилось сил и бок почти не болел. По дороге китаец Антошка по-русски рассказал, что он младший брат Чжан Вэя. Год назад, когда японцы заживо сожгли их деревню, брат ушёл к партизанам, а он – его «братка» – прибил к контрабандистам и, как мог, мстил японцам.

Эти воспоминания о Чжан Вэе и его брате Чжан Сяосуне, у которого было русское имя Антошка, никогда не оставляли Фёдора. Он глянул на мальчишек, вышел из задумчивости, погладил по голове уплетавшего блины Саньгэ и подумал про себя: «Вот такие они китайцы, хоросы люди».

Стёпка снова оторвался от блинов, глянул на отца и обиделся.

Соловьёв тряхнул головой: «Чёрт с ней, с крысой. Главное, батя тогда остался жив!»

– Ну что? Давай-ка, наверное, сюда этого Герасимова И.И.? Время идёт, когда-то надо начинать!

Саньгэ выглянул из темноты и посмотрел на Степана:

– Давай! Только посмотри сначала дело на Енисея, там есть конверт с фотографиями, а потом прочитаешь остальное. Там то, что тебе надо. Он выведет тебя на китайское подполье... Как наш батяка говорил? «Китайса – холосы люди»?

Он уверенно открыл дело на нужной странице и подошёл к соловьёвскому столу:

– Вот!

Степан глянул на него:

– А ещё он говорил «Мэй ёу фанцзы»...

– Да это он ошибался: вместо «нет варианта» он говорил «нет дома», «фанцзы» – это дом, а «фацзы» – вариант, выход из положения! – усмехнулся Саньгэ и стал вытаскивать из конверта фотографии.

Снимки были старые, ещё дореволюционные, и не очень старые. На каких-то были видны надписи о том, что они сделаны в Санкт-Петербурге, в Москве, были тверские, были и харбинские, одиночные и групповые.

В одну из них, групповую, Саньгэ ткнул пальцем:

– Вот эта!

На фотографии была изображена, судя по всему, семья: одетый в визитку мужчина сидит в кресле, женщина – облокотилась на спинку кресла правой рукой, и маленький мальчик, который стоял перед женщиной, справа от мужчины. Степан поднял глаза на Саньгэ, тот уже сидел на корточках и копался в сейфе. С самого дна он достал три толстых тома, снизу подхватил их и тяжело бухнул на край стола:

– Это дело на предателя Юшкова! О нём ты уже слышал, а это на начальника харбинской ЯВМ – генерала Асакусу. О нём ты тоже слышал. Дальше – на Родзаевского и так далее, на всю белобандитскую сволочь... их ты посмотришь после.

Степан кивнул.

– А вот это дело групповой оперативной разработки «Харбинцы», первый том «Патрон» – вот на этого дяденьку. – Он снова ткнул пальцем в фотографию, указывая на мужчину в визитке. – Ведётся с двадцать первого года, когда он, заместитель колчаковской разведки и бывший офицер разведки Заамурского особого округа пограничной стражи, это охрана КВЖД при царе, как снег на голову объявился в Харбине живой и здоровый. Удивил всех, потому что его никто не ждал, ни харбинские, ни наши. Жил тихо, любил жену, воспитывал сына, ни в какие разведки-контрразведки не лез. Всех, кто к нему приходил с предложениями, посылал по-русски. Послал даже генерала Косьмина, в то время главного харбинского фашиста...

Степан удивлённо посмотрел на Саньгэ.

– Да, да! Не удивляйся! Пока ты бил немецкого фашиста на Западе, у нас тут под боком свои образовались, только русские, целая партия. Японские выкормыши...

Степан покачал головой.

– Приходили к нему и от Семёнова, атамана, – продолжал Саньгэ. – Не поверишь, на порог не пустил. Японцы вокруг него тоже плотно увивались. Хотя они-то своего добились.

Степан слушал Саньгэ и удивлялся двум вещам. Во-первых, куда подевался его китайский говор? Про Патрона он говорил только с лёгким акцентом и пришепётывал без переднего зуба, выбитого здесь же, в этом подвале в тридцать седьмом году. И во-вторых, зачем он ему все это рассказывает.

– Так вот! – продолжал Саньгэ. – Здесь интересно то, что его фотографию мы нашли у Герасимова. Раз она оказалась у этого японского агента, палача и карателя, значит, у японцев к Патрону были какие-то непростые вопросы, и, скорее всего, неприятные. Спрашивается, какие?

– Ты меня спрашиваешь? Может, лучше у Герасимова и спросить?

– Спросим! Но есть опасение, что наврёт, постарается ввести в заблуждение. А нам надо сначала самим понять, а уже потом его послушать. Если правильно поймем, и при этом Герасимов будет врать, ну тогда всё станет ясно...

– Что станет ясно? – не понял Степан.

– Понимаешь, тут камень о двух концах!

– Камень не бывает «о двух концах», по-русски бывает «палка о двух концах», – поправил Степан.

– Стёпа, ты плохо знаешь русский язык. Когда камень о двух концах, это значит, что один камень в горле, а другой – в... – он на секунду замялся, – в пйгу!

– Ну да! Я знаю, что такое по-вашему «пигу»! А по-нашему это...

– Правильно, – перебил его Саньгэ. – Так вот! Когда оба камня на своих местах, между ними создаётся избыточное давление. То есть то, что нам скажет Герасимов, – это один камень, а если ты прочтёшь это дело и поймешь что-то сам...

– Значит, я буду другим камнем в этой самой «пигу»! Ну спасибо тебе, братка. Ты-то точно хорошо выучил русский язык. Эдак ласково послал меня в...

Саньгэ растерянно посмотрел на Степана, он никак не предполагал, что тот поймёт его слова так.

В два часа ночи Саньгэ ушёл домой, его рабочий день закончился, Степан снял сапоги и гимнастёрку, улёгся на кожаный диван и приготовился читать. Он мог раздеться, постелить бельё и лечь по-человечески, но по фронтовой привычке лёг так. Несколько недель назад со своей разведывательной группой он был снят с фронта под Кенигсбергом и переброшен в Хабаровск для подготовки к выполнению задания в Маньчжурии.

Перед тем как улечься, он несколько минут выбирал, с чего начать. Дело «Патрон» было толстое, страниц на триста, другие дела – на Юшкова и Асакусу – тоже не меньше. «Енисей» был в два раза тоньше.

Он взвесил их, взял «Енисей», пролистал опись и другие формальные документы и остановился на анкете.

«Адельберг Александр Александрович.

Отец – фон Адельберг Александр Петрович, барон...»

«Хорошее начало! – подумал Степан. – Раз отец – барон, то и Енисей тоже, что ли, барон? Тогда надо начинать с Патрона – барона!» И он отложил «Енисей» в сторону: «Завтра!»

«Патрон»

«Фон Адельберг Александр Петрович, барон.

Год рождения – 1885-й.

Место рождения – Митава.

Происхождение – потомственный остзейский дворянин.

Образование – 2-й Московский кадетский корпус, Александровское военное училище.

1904 год, июнь – подпоручик 3-й роты 1-го батальона лейб-гвардии егерского полка, место службы – г. Санкт-Петербург.

1904 г., ноябрь – 1905 г., февраль – начальник пешей охотничьей команды 1-й стрелковой бригады 1-й Маньчжурской армии (начальник штаба бригады – подполковник Корнилов Л.Г.).

Место службы – Маньчжурия.

Награды: за походы в тыл японской армии – Георгиевский крест III степени, медаль «За войну с Японией».

1905 г., февраль – поручик штаба лейб-гвардии егерского полка. Место службы – г. Санкт-Петербург.

1910 год – капитан, офицер отдела агентурной разведки штаба Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи. Место службы – г. Харбин, Маньчжурия».

Тут Степан на правом поле анкеты в свете настольной лампы разобрал сделанную наискось надпись карандашом: «А.А. П. был переведен в Харбин по просьбе начальника Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи генерал-лейтенанта Е.И. Мартынова. Во время Русско-японской войны Мартынов служил генерал-квартирмейстером 1-й Маньчжурской армии. В её составе находилась 1-я стрелковая бригада Л.Г. Корнилова».

Фамилия Мартынов была дважды жирно подчёркнута красным карандашом, и дальше следовала надпись тем же почерком: «Расстрелян в 1937 г. Ст. 58–10 УК».

Степан прочитал это и подумал: «Корнилова – знаю, Мартынова – не знаю! Ладно, дальше!»

«1914 год, сентябрь — 1917 год, октябрь – штаб Юго-Западного фронта (Брусилов), заместитель по разведке.

1917 г. – сентябрь 1918 года – местонахождение и род занятий неизвестны, по непроверенным данным после октября 1917 года скрывался в Петрограде, Москве и Твери (сведения требуют перепроверки)...»

«Перепроверки!» – Степан снова оторвался от чтения. – Легко сказать, перепроверки! Пойди перепроверь! Кого уж нет, а те далече!»

«Сентябрь 1918 года – февраль 1920 года – полковник, заместитель по разведке в ставке Колчака. Сопровождал эшелоны с золотым запасом...»

«Та-ак! Теперь понятно, почему к нему все лезли, а он всех посылал!»

«Февраль 1920 года – июнь 1921 года – местонахождение неизвестно.

Май – июнь 1921 года – по нелегальному каналу, предположительно с использованием контрабандных переправ на линии Благовещенск – Сахалин, переправился в Китай.

В настоящее время проживает в Харбине.

Замнач 3-го отдела Бюро по делам российской эмиграции (БРЭМ).

Жена – баронесса фон Адельберг Анна Ксаверьевна (урождённая Радецкая), 1893 года рождения, уроженка г. Санкт-Петербурга, из семьи польского дворянина, мать русская. Выпускница балетных курсов. С 1910 года постоянно проживает в Харбине.

Сын – барон фон Адельберг Александр Александрович, 20 (7) июня 1915 года рождения, уроженец г. Харбина...»

«Как интересно! – подумал Степан. – Надо же! Сплошные бароны! Среди моих друзей и знакомых таких ещё не было, и родился в один день со мной и с Саньгэ. Расчухал он или нет! Хотя китайцам день рождения не важен. Идём дальше!»

«...выпускник Харбинского политехнического института. Инженерно-строительный факультет. Владеет иностранными языками: английским, китайским, японским, польским».

«Немало! Хотя с польским – понятно! Мамаша!»

Не вставая с дивана, Степан потянулся к столу и взял семейную фотографию Адельбергов.

«Да-а! Однако! Интересная семейка! Папаша – Патрон – заряженный! Служил с самим Корниловым и Брусиловым, этих знаем, и каким-то Мартыновым, этого опять-таки не знаем! И их императорских величеств золотая казна! А это мы если чего и не знаем, то понимаем! Уж как-никак!!!»

6 июля, пятница

Утром Соловьёв и Саньгэ спускались по боковой лестнице правого крыла управления, на каждом марше поворачивая вокруг лифта, заключённого в колодец из металлической сетки.

– Слушай, а этот лифт когда-нибудь работал?

– Не помню! – Саньгэ с удивлением посмотрел на Степана. – Хотя нет, помню, когда меня освобождали, то из подвала поднимали на последний допрос к начальнику управления на нём, но больше, ты прав, я не помню!

– Мог и забыть! Тебя освободили в тридцать седьмом?

– Да!

– Правильно, а сейчас сорок пятый!

– Бежит время.

– А чё до сих пор зуб не вставил?

– А пуфть помнят!

– А ещё ефть кому?

– Нет, конечно, но...

– И чё, ты лично знал этого Юшкова?

– Я ж тебе сказал... меня же к нему водили на допрос... как не знать? Знал! Лучше бы не знать...

– Много он тут накрошил?..

– Практически всех...

– И сбежал! Вот скотина!

– Вот тебе эту скотину и надо поймать! И за мой зуб отомстить.

– Значит, ты на него имеешь зуб... А если не поймаю?

– То хотя бы пристрели или убедись, что его нет в живых!

– Понятно!

– Хорошо! Письменное задание прочитаешь перед вылетом.

– Ясно! Хотя... – Степан замолчал, пока Саньгэ отмыкал дверь их подвального кабинета.

– Хотя – что?

– Я думаю, что мы там будем не одни?..

– Правильно думаешь, но задача у тебя будет своя – Юшков! А японские и белобандитские архивы надо будет взять под наблюдение... не мне тебе объяснять! Другие группы придут с фронтами, то есть позже. Но ты понимаешь, какой это секрет, это я тебе как братке говорю. Через наше управление, насколько мне известно, вы проходите первые.

– А легенда? – спросил Степан.

– Пока не могу! Все документы подготовлены и лежат на утверждении. Пока не подписано...

– Ну хоть намекни!

Саньгэ замялся у двери.

– Ну!

– Ладно! Бригада строительных рабочих, дорожников, приехали на наём...

Степан смотрел на Саньгэ.

– Голову пригни, а то!.. Главную задачу поставит начальник управления и представитель Центра. Вылет через неделю.

10 июля, вторник

«Хорошо идут! – подумал Степан, различая, как тихие фигуры вбегают в чёрную дверь. – Ничего не звякает и не брякает! А то сам всех поубиваю!»

Он вошёл в самолет последним.

«Свято-Николаевский собор. Рост сто восемьдесят, лицо бритое, волосы чёрные, губы тонкие, улыбка спокойная, открытая, руки мягкие, кисти опущены вниз. Наверное, узнаю, не могу не узнать, фотка хорошая, в рост, в фас, в профиль! Узнаю! Всё, спи!»

Летчик втащил трап, закрыл дверь, и он услышал, как снаружи провожавший его Саньга хлопнул по фюзеляжу рукой. Когда заработали моторы, Степан привычно ощутил, как тепло стало впитываться в кисти рук.

Через пару минут он уже спал.

Его толкнули в плечо, он проснулся, лампочка уже мигала, и пилот стоял возле открытой двери. Он поднял руку, проверил карабин и почувствовал на ладони железистый запах стального троса, повернулся направо, побежал вместе со всеми и нырнул в чёрный воздух. Холодный ветер обдал лицо.

Степан на несколько секунд провалился, потом наверху потянуло, хлопнуло и ударило в паху.

«Ну вот, слава богу, открылся!»

Он пошевелил руками, ногами, всем телом, ощущая себя в лямках парашюта, он любил этот удар лямками, это означало, что парашют раскрылся.

«Хорошо, ещё поживём!»

Он огляделся. Вверху брызгали белёсые разрывы зенитных снарядов. В стороне, километрах в тридцати, угадывался большой город.

«Почему так близко? Ёпп-пиху мать! – с тревогой подумал Степан. – Мы же приземлимся прямо на окраине, а может, прямо на привокзальной площади, и не надо будет спрашивать, откуда вы, ребята, и как пройти в жандармерию. И хорошо хоть ветер северный, немного отнесет подальше, можно будет переэкипироваться. Но куда же летчики смотрели? Почему так близко к городу? Вернусь, пусть Смерш с ними разбирается. Интересно, сколько из нас долетит? Хорошо бы все!»

5 августа, воскресенье

Он стоял внутри Свято-Николаевского собора и следил за происходящим. Он видел, как вошёл молодой высокий брюнет в хорошем костюме и стал покупать свечи. Молодой человек купил три свечи, как было условлено.

«Енисей!»

Степан встал рядом и тоже купил свечи – шесть. Они переглянулись, и Степан не торопясь двинулся к выходу.

На площадке возле храма, вольно опершись плечом об ограду, стоял Ванятка.

«Стервец! Разве так можно стоять у храма! Вот воспитание-то, комсомольское!»

Ванятка увидел Степана и пошёл через Соборную площадь.

По кольцу проезжей части вокруг храма ехали машины. Разведчик Соловьёва Ванятка Савватеев первым перешёл через дорогу, Степан кивнул Енисею, и тот пошёл следом. Степан пристроился последним. Они вышли на Вокзальный проспект, постепенно между ними установилась дистанция – метров пятнадцать – двадцать; они дошли до виадука и так, не теряя друг друга из виду, перебрались в самое начало Диагональной улицы. Степан шёл за Енисеем и

видел, как часто, ему даже показалось слишком, тот останавливался и перекидывался несколькими словами с прохожими: русскими, китайцами и японцами; иногда просто раскланивался или кивал.

«Неудача, – подумал Степан. – Его полгорода знает».

За предыдущие дни Степан и Ванятка не один раз проходили по этому длинному маршруту, подыскивая места для проверок и наблюдения за Енисеем. Впереди и сзади них, по тому тротуару, по которому они шли, и по параллельному, следовали его люди, наблюдавшие за всем, что происходит вокруг их маленькой группы.

Диагональная, как всегда, была оживлённой, Енисея часто загораживали, и Степан перешёл на противоположную сторону, а в самом конце улицы встроился между Савватеевым и Енисеем. Ванятка завернул в подворотню, где во дворе обнаружилось небольшое ателье. Степан вошёл в него и встал у витринного окна. Он увидел Енисея, когда тот уже был в подворотне. Енисей подошёл к двери, слегка поежился и вошёл внутрь. Красивая молодая китайка, стоявшая за прилавком, глянула на него, улыбнулась и мягким жестом показала на дверь за прилавком. Енисей улыбнулся ей в ответ и проследовал туда. Степан и Ванятка прошли за ним.

Внутри была мастерская, комната средних размеров, где стояли несколько столов со швейными машинками.

– Здравствуйте! – несколько натянуто поздоровался Енисей. – Зачем вы провели меня через весь город? Вечером матушке будет известно, где я был и с кем здоровался.

Пока шли, Степану и самому невольно приходил в голову этот вопрос, но он не мог рассказать Енисею о том, что как раз в это время шла организация конспиративной базы и она ещё не совсем готова, а особенно о том, что за ним от самого собора велось наблюдение. Отвечать было нечего, и он протянул руку.

– Давайте знакомиться, – сказал Степан, и они поздоровались. – Здесь нам разговаривать будет не очень удобно, поэтому, коротко... могу предложить на выбор два места: Зелёный базар и Фуцзядянь. – И Степан положил перед Енисеем две смятые, как конфетные фантики, бумажки: – Это схемы и точные адреса.

– Фуцзядянь – можно, а Зелёный базар, по-моему, слишком близко к моему дому.

Степан мысленно одобрил выбор Енисея: Фуцзядянь – китайский район, густонаселённый, но живут там не только китайцы, тем более что китайские подпольщики именно в Фуцзядяне обещали им безопасность. Зелёный базар располагался в Новом городе, в нескольких кварталах от дома Енисея, и его появление там могло привлечь внимание.

«Хорошо наши с ним поработали, понимает в конспирации!» От этой мысли на душе Степана стало спокойнее.

Они условились о встрече завтра тоже во время обеденного перерыва.

6 августа, понедельник

Весь день с самого утра и до прихода на встречу Енисей был под наружным наблюдением.

– Как вас угораздило родиться со мной в один день? – после приветствия с улыбкой спросил Степан, когда Енисей вошёл на конспиративную квартиру и сел на предложенный ему стул.

Тот с удивлением посмотрел на Соловьёва. «Какой-то он слишком откровенный для разведчика!» – подумал Енисей и ответил:

– Об этом надо спросить моих родителей. Папа уехал на германскую в четырнадцатом, как раз где-то в сентябре...

– Ясно! – сказал Степан.

– Что будет происходить дальше? – без паузы спросил Енисей.

– Дальше? Где дальше? Здесь, в Маньчжурии? Или у нас с вами?

– В Маньчжурии.

– Этого я пока сказать не могу.

– Военная тайна?

– Может, и тайна!

– Тайна, это понятно. А у нас с вами?

Степан молчал, ему что-то мешало.

Молчание нарушил Енисей:

– Наверное, вам сложно начать! Я думаю, что вы здесь по серьёзному делу, пока не знаю по какому, если позволите, начну я...

«Шустрый! Мне сложно начать! Сначала я хочу на тебя поглядеть, беляк! Но вежливый!»

– подумал Степан и кивнул.

– Мы вас ждали. Вас, наверное, интересует – кто мы?

Степан ещё раз кивнул.

– Мы... это те... которые... – Енисей медленно подбирал слова. – Если коротко, я и мои друзья относимся к числу «оборонцев», если вы... знаете, что это такое. Большинство нашей молодёжи в Харбине – «оборонцы». Есть другая часть, меньшая, – это, как мы их называем, «пораженцы»...

Ещё в Хабаровске Саньгэ объяснил Степану разницу между «оборонцами» и «пораженцами».

– Я знаю, чем «оборонцы» отличаются от «пораженцев»!

– Тогда легче! Так вот, когда Красная армия громила немцев, мы, «оборонцы», думали, что сможем сделать мы, когда вы придёте громить японцев!

Степан с удивлением поднял брови.

– Не стоит удивляться. Во-первых, у вас были предшественники!..

Степан понимающе кивнул.

– А во-вторых, мы следили за событиями и понимали, что, победив Гитлера, Советский Союз вряд ли согласится иметь у себя под боком японскую армию. И с железной дорогой надо как-то определяться, она ведь наша – русская. Русские её строили, мой отец её охранял, – Енисей смотрел в глаза Соловьёву, – и нам было понятно, что японцев здесь терпеть никто не будет. Ни вы, ни американцы. Китайцам тоже нужна ясность, они от японцев очень сильно пострадали.

«Ишь ты, иху мать, целую политинформацию мне тут закатил, ну-ну!» – подумал Степан, но, соглашаясь с собеседником, опять кивнул.

– ...Между собой мы много раз говорили об этом – что мы сможем сделать, когда вы придете в Маньчжурию!

– И к какому выводу пришли?

– Об этом чуть позже, если позволите... Многие из нас хотели попасть на Родину, на фронт, кто-то даже пытался разговаривать об этом с вашими представителями, кто был с ними коротко знаком. Но всем было отказано. Это было понятно, потому что японцы следили за всеми, кто общался с сотрудниками советского консульства. В результате несколько человек просто пропали, исчезли. Скорее всего, их выследила жандармерия!

Степан кивнул уже серьёзно, в Хабаровске было хорошо известно, как работала японская контрразведка в Харбине, об этом поступало много сведений от агентуры.

– ...поэтому мы решили дожидаться вас здесь и быть максимально полезными.

– Каким образом? – спросил Соловьёв, хотя он уже догадывался, о чём скажет Енисей.

– Каким образом? – без тени удивления переспросил тот. – Очень просто, мы здесь всё знаем, мы здесь многие родились и выросли, знаем каждый угол, при нас японцы пришли, многих из них мы знаем просто в лицо...

– А наших?

– ...не говоря уже, – спокойно продолжал Енисей, – о расположении их штабов, казарм, жандармерии, гарнизонов, складов с оружием и амуницией и так далее...

– А?..

Енисей кивнул:

– И наших знаем...

Степан сложил руки на груди и произнёс:

– Многие из русских эмигрантов, – он хотел сказать «русских белоэмигрантов», но почему-то сказал просто «русских эмигрантов», – работают в японской военной миссии, жандармерии, служат в отряде Асано, в БРЭМ. Фашисты тут у вас имеются – русские! – Его подмывало упомянуть про отца Енисея, но он понимал, что сейчас этого делать нельзя, в самом начале, тем более с человеком, на которого многое возлагается...

– Вы имеете в виду, – сказал Енисей, – Константина Родзаевского и иже с ним? Их мы тоже знаем. Кстати, мой отец, – он сделал акцент на слове «отец», – работает с генералом Асакусой, но, я думаю, вам об этом известно.

Степан спросил:

– Вы имеете в виду, знаем ли мы, что ваш отец работает в японской разведке? – и ответил: – Конечно знаем!

Разговор получался жесткий. Степан не мог понять, чем его раздражает этот молодой человек: говорит нормально, вежливо, с пониманием, но что-то в нём было такое... не наше, только – что?

«Барчук? Не барчук!» – слушая Енисея, думал Степан, но он не застал «барчуков», те сбежали из России, когда он был ещё совсем маленьким; держится нормально, не важничает...

«О! – осенило Степана. – Породистый!» Он слушал его, слушал себя и набрёл на это слово – именно «породистый», но не в том смысле, «порода», «графья», как его учили в школе, мол, не подступишься, а именно... Тут Степан понял, что запутался.

– Одно время я был дружен с Константином Родзаевским. Он старше меня, бежал из СССР, был для нас героем, говорил зажигательно... – Енисей остановился и полез в карман за сигаретами, рука Степана невольно потянулась за зажигалкой.

«Стоп! – остановил он себя. – Я ему ещё буду подавать прикуривать!» И просто положил её на стол.

Енисей взял зажигалку, прикурил и поблагодарил:

– Курите?

– Нет, давно бросил!

– Хорошо, тогда я продолжу! В нём доминантой, я имею в виду Родзаевского, всегда была озлобленность, это было похоже на человеконенавистничество, что-то такое звериное. И ложь. В чем это заключалось, мы сначала не понимали, и я не понимал. Хороший оратор, мы – заслушивались... Первой тревогу забила мама, потом Кузьма Ильич. Вы знаете, кто такой Кузьма Ильич?

– Конечно! – сказал Степан.

– Старик как-то увидел, как наши фашисты в чёрной форме колонной шли по улице и скандировали свои лозунги, и сразу сказал, что эти никого не пожалеют и что к ним если и можно попасть, то только «под нож».

Степана кольнули слова «наши фашисты», но он сдержался и продолжал слушать.

– Потом высказался отец, он тогда ещё не служил в БРЭМ, их за несколько лет до этого познакомил Асакуса, тогда он был ещё полковником...

Енисей говорил почти не останавливаясь.

– Отец просто сказал, что от него надо держаться подальше. Кстати, сам Родзаевский всегда испытывал уважение к моему отцу. Он всегда его воспринимал как начальника разведки Верховного – Александра Васильевича Колчака...

«Хм! – слушал и думал Степан. – Александра Васильевича Колчака. Не просто Колчака, а Александра Васильевича Колчака. Любезный друг! Так-так!»

Енисей продолжал:

– Но отношения, когда папа пришёл служить в БРЭМ, это было где-то в тридцать восьмом, у них не сложились. Папа, конечно, виду не подавал, кстати, он не хотел служить у японцев, но его как-то вынудили, а Родзаевский, как это говорят, его подсаживал, интриговал за спиной, а Асакуса эту интригу поддерживал...

«Вот так, иху мать! Враги, а чего-то между собою не поделили!» – почему-то тихо порадовался Степан.

– И чем кончилось? – спросил он Енисея и тут же себя остановил, потому что почувствовал, что дальше такой разговор может зайти не туда – ему надо работать с этим человеком, а возможно, даже с обоими, и с ним, и с его отцом. И такая постановка задачи не исключалась. – Ладно, давайте поговорим о другом. На кого из своих товарищей «оборонцев» вы можете положиться и сколько их – надёжных? А потом поговорим о противнике, – сказал Соловьёв и разложил на столе карту города.

В конце разговора Енисей задал вопрос:

– Скажите, радиостанция «Отчизна» откуда ведет вещание?

– Не знаю! – ответил Степан и посмотрел в глаза Енисею.

В конце концов Степан остался доволен, ему даже показалось, что он начал чувствовать Енисея, ему нравилась его заинтересованность: он со знанием дела рассказал и указал на все интересовавшие Степана японские объекты, рассказал о подходах к ним, даже кое-где о системе охраны и количестве работающих там японцев и русских. Он оказался информированным о командном составе японского гарнизона, начальниках и сотрудниках жандармерии и японской военной миссии. Однако торопиться с информацией о конкретной задаче, которую предстояло решать, Степан не стал. Мало ли, осторожность не помешает. Надо ещё походить за ним, и за отцом тоже походить, посмотреть, не крутится ли кто-нибудь вокруг, из «наших» или «не наших». А заодно «посидеть» около Бюро русских эмигрантов, у жандармерии и у миссии.

После встречи Сашик возвращался на работу.

На душе было беспокойно, нехорошо. Ему не понравилась и вчерашняя встреча, сегодняшняя тоже вызвала тревогу и даже разочарование. Интерес гостя к «нашим» был понятен, но что с этим делать? Он знает действительно многих. Антисоветских организаций в Харбине было сколько угодно, но все они были маленькие, разрозненные и практически бессильные – так, одни разговоры. Даже у японцев, попытавшихся из этого что-то «сотворить», ничего не получилось – всё это было несерьёзно.

«Хотя откуда об этом знать ему, им, они всю свою жизнь провели там?» Ему хотелось между словами «всю свою» и словом «жизнь» вставить – «счастливую». Однако финал разговора был лучше, поэтому не хотелось идти в контору и смотреть на опостылевшие японские лица, которые, как это уже становилось ясно, скоро превратятся в воспоминания.

Того, что сегодня сказал «гость», ему показалось мало, всё свелось к тому, что он здесь не один, а с группой, и эта группа имеет конкретную задачу, и придёт момент, когда они, как он сказал, «вступят в соприкосновение с противником», и этот момент, вероятно, наступит очень скоро. Скорей бы! Поэтому и не хотелось никуда идти. Сейчас бы собрать своих и начать, только что? Ещё было велено в ближайшие дни исправно ходить на службу и ничем не привлекать к себе внимание.

Поглощённый мыслями, снова и снова продумывая то, что он несколько минут назад услышал, Сашик шёл, и настроение его менялось. Оно то поднималось, когда он думал о «предстоящем деле», то падало, когда приходили мысли о «наших», о семье и, в особенности, об отце. Он с детства помнил разговоры в гостиной, когда у них дома собирались самые разные

люди эмигрантского сословия. Поначалу, когда отец только вернулся, разговоры были шумные, главный спор всегда вёлся о том, что делать дальше и как победить большевиков.

Он шёл по тротуару, не замечая густых толп прохожих и того, что вот уже несколько десятков метров, тихо шурша шинами, рядом с ним медленно катится такси. Он только что подумал о семье, как вдруг его громко окликнули по имени. От неожиданности он вздрогнул и стал оглядываться: из едущего рядом таксомотора ему махал рукой – Сашик от удивления даже помотал головой – Коити Кэндзи.

– Что, не ожидал? – крикнул Кэндзи. – Садись, подвезу!

Сашик действительно не ожидал и сел на заднее сиденье рядом с Кэндзи.

– Ты откуда?

– Откуда, не скажу! – кивнув на водителя, тихо с весёлым лицом ответил Кэндзи. – Военная тайна!

«Снова военная тайна!» – невольно подумал Сашик.

– А вот куда, догадайся сам. – Кэндзи хохотнул и всем корпусом развернулся к Сашику. – Ладно, тут тайны нет. Я в Харбине – опять!

От неожиданности Сашик перестал соображать.

– Сколько же ты... мы не виделись?

Кэндзи хмыкнул:

– С июля тридцать восьмого! А ты не рад?

– Рад, конечно, рад!

– Когда увидимся?

После того как ошеломлённый неожиданной встречей Сашик вышел у своей конторы, несколько минут назад сошедший с поезда Коити Кэндзи ехал дальше по городу, который оставил семь лет назад.

Гостиница, куда он наконец добрался, была японской, и он мысленно поблагодарил за это своих коллег из миссии. Он отпарился в фуру, японка средних лет, закончив тереть мочалкой, окатила его тёплой водой и молча подала плотное бумажное кимоно. Кэндзи вылез, переоделся в чистое и сухое и с удовольствием сел за лакированный столик, на котором уже был сервирован обед. Через час он вышел на улицу, пора было явиться в миссию и доложить начальству о прибытии, но прежде ему хотелось оглядеться.

«Как кстати мне попался Сашик», – радовался он, так его взволновала эта встреча.

Генерал Асакуса сидел в кабинете и читал принесенные Номурой документы.

– Что с тем самолетом? – спросил он, не поднимая головы.

– Об этом вам лучше спросить у военных, почему они его не сбили.

– А вы уверены, что с него не выбросилась какая-нибудь парашютная группа?

– А вы усилили охрану мостов и других объектов?

Асакуса поднял голову:

– Что-то вы прямо-таки взъелись на меня, Номура-сан!

– Я не взъелся на вас, только прочесывание района, где это могло произойти, ничего не дало, нельзя же расстрелять несколько десятков тысяч китайцев, которые там живут, и выжечь все посева!

– Почему, Номура-сан? Я вас не узнаю!

– Потому что, господин генерал, для этого нужны войска, вы их мне предоставить не можете, а потом – время не то!

Асакуса с сожалением покачал головой и снова склонился над бумагами.

– А что в городе? Что Сорокин? Он все объекты взял под наблюдение? Кстати, я забираю его к себе, со всей его бригадой!

– Вот, генерал, а вы спрашиваете, почему я злюсь! А я с чем останусь?

– Какое сегодня число? – спросил Асакуса, поднимая голову.

– У вас же календарь на столе – понедельник, 6 августа!

– Завтра 7-е, пусть он придёт ко мне, – Асакуса посмотрел на часы, – не позже 10:00, если будет трезвый!

– После вашего воздействия на него и экскурсии в 731-й отряд моя агентура ни разу не видела его пьяным.

– Это хорошо, значит, мы не зря семь лет назад с вами об этом договорились, помните?

После ухода Номуры Асакуса набрал дежурного.

– За капитаном Коити отправлена машина?

– Да, господин генерал!

– Вызовите ко мне Зыкова.

Асакуса подошёл к окну. Из его кабинета открывался вид на соседний красивый особняк, но он смотрел и не видел его.

«У нас под ружьём больше семисот тысяч... укреплённые районы построены по всей границе...» Он оторвался от окна и пошёл к карте, которую вот уже две или три недели не задёргивал шторкой.

География Северной Маньчжурии, её границы по Амуру и Уссури были так хорошо приспособлены для нападения, – нанести мощные бомбовые удары, и нет связи между Владивостоком и Хабаровском, между Хабаровском и Благовещенском. А западнее практически ровный, беслесный марш-марш от станции Маньчжурия до самой Читы. Как же он хорошо знал и помнил эти места...

– Разрешите! – прервал его мысль постучавшийся Зыков.

– Да! – Асакуса оглянулся. – Заходите!

Постаревший Зыков просеменил к столу и остановился.

«Пригласить его сесть или пусть постоит?»

– Садитесь!

Асакуса вернулся в своё кресло.

– Что у Эдгара Семёновича?

– Сидит, ваше высокопревосходительство, с какими-то бумагами, мы не вникаем!

– Правильно делаете, что не вникаете! Возьмите дежурную машину и перевезите его на Гириинскую, я там буду, – он посмотрел на часы, – минут через сорок, через час!

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство!

– Идите!

Зыков повернулся к двери, а Асакуса вернулся к карте.

– С-с-суки! – сказал он, вглядываясь в то, как близко Транссибирская железная дорога на севере подходит к Амуру, а на востоке – к Уссури.

– Что? – спросил Зыков, он ещё не успел дойти до двери.

– Идите, Зыков, идите! Это я не вам!

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! А то мне показалось...

– Да идите же!

Зыков ушёл, капитан Коити ещё не прибыл, и Асакуса, не отходя, стоял возле планшета. Он давно пытался додумать одну мысль, она прочно засела в его голове, но вместо этой мысли в голову настойчиво стучалось русское ругательство: «С-с-суки!»

«Почему они завязали войну с Америкой? Ведь вот – плацдарм! И как были правы авторы плана «бцу» ещё в двадцать восьмом! И какая умница был этот майор Канда Масатанэ! Конечно, здесь надо было начинать! Здесь! Вошли в Маньчжурию, обеспечили тыл, вычистили коммунистических китайцев, замирились на время с крестьянами и ударили... – Он смотрел на карту. Он водил по ней карандашом и, встав на цыпочки, забыв про большую ногу, ста-

рался как можно ближе разглядеть обозначения. – Владивосток – заблокировать одной половиной флота! Другой – устье Амура. Из Татарского пролива разбомбить Комсомольск-на-Амуре. Базы бункеровок, – вот они, на Карафуте несколько десятков миль, прямо за кормой! От границы до Усури и железной дороги – десяток километров... всего... Хабаровск разбомбить, Благовещенск уничтожить артиллерией, перерезать железную дорогу в Облучье... и марш-марш по степи на Читу! Водвориться здесь, взять уголь, руду, восстановить в Комсомольске авиационный завод и этот – по подводным лодкам!!! Да нам в Азии после этого кто бы посмел слово сказать? А потом уже можно было бы браться за Америку. А мы увязли, сначала в китайском муравейнике, а их надо просто выжигать огнем, этих китайцев... заселить Маньчжурию нашими колонистами, и был бы прекрасный тыл... А американцы взяли и утопили весь наш флот. Чикишо!»

Асакуса оторвался от карты: русское «с-с-суки!» было сильнее, чем японское – «чикишо». Командование императорского военно-морского флота не было «скотами», он их многих знал лично, а были именно «с-с-суками!», это ведь они доказали императору, что сначала надо победить Америку и стать хозяевами на Тихом океане. Базироваться надо на земле, пусть Япония окружена морями, но японцы, как и все люди, живут на земле, на тверди, а не на зыби! Как же они не могли этого понять, когда оспорили план своих сухопутных коллег и настояли у императора на варианте Пёрл-Харбора. Это была стратегическая ошибка! Скоты-чикишо те, кто ляжку тянут и землю пахнут, а эти именно...

– С-с-суки! В своих красивых чёрных мундирах... – сказал он в голос.

– Виноват! – вдруг послышалось от двери.

Глядя на город, Кэндзи ехал из гостиницы в миссию, смотрел на мелькавшие дома, перекрёстки, церкви, на деревья, которые за прошедшие семь лет подросли, и ощущал, что он будто бы вернулся домой.

«Харбин! – думал он. – Сколько же тут всего со мною случилось!»

По обоим тротуарам шли люди, много людей. Он ехал и всматривался в лица. Ему казалось, что кого-то он узнал или узнавал, всё мелькало и было таким знакомым. Ему казалось, что вот сейчас он увидит Соню, или Анну Ксаверьевну, или Александра Петровича, или своих студентов, или коллег из миссии, а может быть, мелькнёт старый Тельнов, если он ещё жив. Но люди шли – незнакомые, а с другой стороны, такие знакомые; они почти не изменились, только Кэндзи стало казаться, что лица большинства из них оттеняла тревога, а в движениях появилась суетливость и какое-то подрагивание, нервное, так дрожат руки, когда человек очень волнуется...

Ему захотелось отвлечься, и он подумал, как удачно он встретился с Сашиком. Правда, это немного нарушило его тайные и романтические ожидания от приезда, встреча была слишком неожиданной и случайной, похожей на сюрприз, которого не ждали. Соню он, конечно, не встретит, она давно переехала в Шанхай, и он только получал о ней случайные сведения... Может быть, кого-то ещё... но все остальные были бы уже чужие!

Он не мог предполагать, что его первая стажировка в войсках продлится так долго, – он ехал всего на год и сравнительно недалеко. Хотя на самом деле она и оказалась недолгой, его ранило через несколько дней... Долгим было лечение в госпитале и отдых дома... Когда после взрыва он очнулся, то не мог понять, почему все кругом белое и ничего не чешется и не зудит на запястьях и на лице. В его памяти ещё была густая мокрая темень и неожиданно открывшийся горизонт с мерцающим стальным озером и нежными рассветными лучами. Потом он вспомнил Коскэ и тогда понял, что он в госпитале, а навалившийся на него советский пограничник его ранил, или его ранил осколок снаряда, взорвавшегося совсем близко. Потом врачи сказали ему, что у него две раны, одна от осколка, а другая – от ножа. Значит, его ранили два раза, и снаряд и пограничник, а Коскэ убили.

Когда закончился курс лечения и он год отдыхал дома, в разведуправлении штаба Квантунской армии ему была назначена награда, повышение в чине и предложена работа в аналитическом отделе. Его ранения были настолько серьёзны, что врачи решили, что он может, если захочет, остаться в армии, но уже на нестроевой должности.

И никто из начальства русского отдела Разведывательного управления штаба Квантунской армии не сказал ему о цели его возвращения в Харбин.

На Больничной улице машина резко повернула влево и уперлась в ворота, водитель посигналил, и ворота открылись.

Кэндзи прошёл мимо дежурного, поднялся по лестнице, которая не изменилась, и его ладони вспомнили изумительную гладкость поручней; он поздоровался с мраморной Наядой, которая продолжала стоять в нише и разведёнными кистями рук приглашала следовать по одной из ведущих наверх лестниц. Дверь в кабинет Асакусы неожиданно оказалась приоткрытой, он коснулся её и увидел... нет, услышал, по-русски:

– С-с-суки!

Это было неожиданно. В дверную щель была видна фигура генерала, тот стоял левым боком и смотрел в пространство между книжными стеллажами туда, где всегда висела карта Маньчжурии.

– Прошу прощения? – по-русски сказал Кэндзи.

Асакуса резко повернулся со злым лицом, увидел его, выражение мгновенно изменилось, и он уже был готов улыбнуться – Кэндзи так показалось, – но сдержался, и лицо привычно окаменело.

– Прошу извинить, господин капитан, я думал, что это Зыков ещё не ушёл. Заходите!

За шесть лет, пока Кэндзи служил в Мукдене, Асакуса почти каждый год два-три раза приезжал в штаб Квантунской армии, но они виделись мельком. Когда он увидел Коити после его излечения и поздравил с возвращением в строй и новым назначением, тот стал ждать, что он пригласит его в харбинскую миссию...

– Извините ещё раз, присаживайтесь.

И вот пригласил!

– Как добрались, господин капитан?

– Спасибо, господин генерал, добрался хорошо.

– Мало времени, поэтому, если вы готовы, я уже вызвал машину.

Они ехали до Гириной несколько минут. Асакуса молчал. В боковое окно Кэндзи увидел собор и заволновался. Последний раз он почти бегом пробежал мимо него в июле тридцать восьмого, но тогда он его даже не заметил.

В большой светлой, почти белой, как госпитальная операционная, гостиной, из которой как тень выскочил Зыков, за большим круглым обеденным столом сидел высокий худой человек, курил и чиркал ручкой по листу бумаги.

– Здравствуйте, Эдгар Семёнович! – остановившись в дверях, сказал Асакуса и крикнул в кухню: – Морсу или бузы, что там у вас есть?

Кэндзи был благодарен генералу за эту команду, было жарко, он оглянулся, увидел, как в проёме кухонной двери мелькнул зад в белых поварских штанах, присевший на корточках, и услышал, как заскрипел люк погреба.

– Да льду достаньте! – туда же крикнул Асакуса.

Сидевший за столом повернул голову и сквозь зубы, из которых торчала разжёванная дымившаяся папироса, процедил:

– Очень интересный материал, коллеги! Даже отрываться не хочу!

Асакуса кивнул, повернулся к Кэндзи и по-японски прошептал:

– Сейчас он предложит нам «присаживаться»!

– И присаживайтесь, коллеги! – через папиросу проскрипел сидевший за столом.

После того как повар принёс и поставил на стол поднос с хрустальным кувшином, до краёв наполненным шипящей бузой со льдом, Асакуса произнёс:

– Итак, господа, прошу знакомиться!

– Юшков! – Сидевший привстал и подал Коити руку.

– Нам предстоит нелёгкая работа! – не дав представиться Коити, произнёс Асакуса. – С февраля этого года Маньчжурия подвергается массовой обработке Советами, её ведёт пока не обнаруженная нами подпольная радиостанция, которая называет себя «Отчизна»... – Он замолчал и посмотрел на Коити и Юшкова.

Водитель посигналил, ворота открылись, и машина въехала во двор миссии.

– Идите ко мне в кабинет, вот ключ, а я поднимусь через несколько минут.

Кэндзи поднялся на второй этаж, осторожно повернул ключ, отворил дверь и вошёл. Он знал, что в сорок первом и сорок втором годах Асакусы в Харбине не было, год он преподавал в разведывательной школе в Токио и ещё год работал в Европе: это было в сорок втором. Асакуса был в Германии, Венгрии, Румынии и Италии, он изучал опыт работы стран-союзниц на завоёванных территориях, может быть, даже ездил туда, может быть, и в Россию, в смысле – в СССР, но об этом Кэндзи было ничего не неизвестно.

Он впервые оказался в кабинете Асакусы один. Он огляделся и увидел, что за прошедшие годы здесь ничего не изменилось: большой дубовый стол с прямоугольником зелёного сукна стоял на месте; на нём, как и раньше, была бронзовая настольная лампа, на стене висели портреты императоров и флаг; левее стену загораживала чёрная лакированная шестистворчатая ширма с перламутровыми инкрустациями, за ней должна была быть та тайная чайная комната, в которую он заходил один раз.

«Неужели сохранилась?»

Кэндзи подошёл к ширме и попытался заглянуть: в тонкую щель между створками был виден чёрный проём, значит, комната была. Он уже поднял руку, чтобы наклонить ширму и получше разглядеть, но услышал шаги генерала. Асакуса вошёл и, не глядя на Коити, произнёс:

– Мне с вами было некогда поговорить, но я думаю, что вы уже поняли вашу задачу.

Асакуса казался Коити неожиданным: он, почти не хромя, стремительно передвигался по кабинету, отдёргивал шторы на окнах, открывал сейф, оборудованный в одном из книжных стеллажей, переносил на стол документы. Коити не успевал за ним.

– Думаю, понял, господин генерал, – мне придётся вместе с Юшковым работать с текстами передач радиостанции...

Асакуса остановился на полпути к столу со стопкой дел в руках, секунду смотрел на Коити, потом как-то странно мотнул головой, дошёл до стола и плашмя их бросил.

– Это – первое! – Он остановился и ещё раз посмотрел на Коити тем взглядом, который редко кто выдерживал. Прошедшие полтора часа они с Асакусой и Юшковым обсуждали тексты передач советской подпольной радиостанции. Он узнал в Юшкове того высокого русского, которого негласно сопровождал летом тридцать восьмого года из Харбина в Дайрен и которого тайно фотографировал Сорокин.

У Юшкова была задача попытаться по содержанию передач определить источники информации. Ещё в Мукдене, в штабе армии Коити начал получать сведения о работе этой радиостанции. Она начала вещать в феврале этого года, появилась внезапно, работала каждый день по несколько десятков минут и передавала поразительно точные сведения обо всем, что происходило в Харбине и других городах Маньчжурской империи. Передачи предназначались для русских эмигрантов, велись на русском языке и этим вечером рассказывали о том, что произошло сегодня утром, а утром рассказывали о городских событиях прошедшего дня. Героями передач были самые известные деятели эмиграции и японской администрации; передава-

лись свежайшие сводки с фронтов на западе и на Тихом океане, о которых молчали японские радиостанции и газеты; передавался даже репертуар харбинских кинотеатров и меню ресторанов на Китайской улице. Само собой, что русские с первой передачи приникли к полузапрещённым японскими властями радиоприёмникам. Для японцев это был очень неприятный сюрприз, они не могли определить, кто с такой скоростью и оперативностью доставляет «Отчизне» самые свежие сведения. Меры жандармерии и работа агентуры ничего не давали. И тогда была поставлена задача – попытаться найти тех, кто поставляет «Отчизне» информацию.

– А какая вторая?

– Вторая?

Асакуса дошёл до сейфа и вытащил оттуда ещё несколько папок.

– Вторая! – задумчиво произнёс он. – Вторую получите позже, а пока будете работать с ним каждый день с утра до вечера. Лучше, если вы будете и ночевать там. Вы женаты?

– Нет!

– Ну тогда ночевать можете... – Асакуса продолжал ходить по кабинету, – можете где хотите, раз вы не женаты. Мужчина должен быть женат, хотя бы временно. Начнёте завтра, сегодня можете быть свободны!

* * *

О встрече Енисея с каким-то японцем было доложено капитану Соловьёву, при этом было упомянуто, что после высадки Енисея из такси около его конторы машина повезла японского пассажира дальше; японец вышел на углу Китайской и Биржевой и вошёл в неприметную гостиницу недалеко от набережной Сунгари. Отследить этого человека, знакомого Енисея, Степан отправился сам: через полтора часа за японцем приехала машина, отвезла его из гостиницы в Новый город и въехала в ворота японской военной миссии на Больничной улице.

– Выходит! – выдавил Ванятка и сменил свою шпанскую позу: плечом к стене дома, нога за ногу и руки на груди.

– Давай за ним! Стой! – Степан схватил Ванятку за руку. – Он, кажись, движется в нашу сторону! Растворяемся!

Ванятка отошёл метров на пять, снова прислонился к стене и достал пачку папирос «Лапото».

«Когда я тебя отучу дымить? И стоит опять как шпана!»

Степан дождался, когда японец от ворот миссии дошёл до Николаевского переулка и повернул на него. Короткий, всего несколько десятков метров Николаевский переулок соединял Больничную улицу и Соборную площадь. Японец шёл к Соборной. Степан тронулся с места и, проходя мимо Ванятки, сказал:

– Быстро сгоняй к нашим и узнай, Енисей на работе или нет? Наблюдение за ним не снимать до вечера, до самого его дома, встретимся на базе. Если что, я здесь поставлю метку.

Ванятка кивнул, и его шляпа, к которой он так и не привык, клюнула ему на нос.

«Ну, Саньгэ, конечно, тебе спасибо, но, если человек никогда не носил шляпы, нашёл бы ему хотя бы кэпку!» – подумал Степан, глядя на Ванятку, который всего лишь несколько месяцев назад сменил солдатский бушлат и пилотку на пиджак и шляпу, которых за свою короткую жизнь никогда не носил.

Японец медленно прошёл переулок, вышел на тротуар Соборной площади и остановился.

«Проверяется!» – подумал Степан.

Ему шляпа тоже мешала. До этого он носил шляпу в сорок втором году в Германии, когда выходил на визуальный контроль и контрнаблюдение в городе Эберсвальдэ.

Он смотрел. Японец стоял. Степан пошёл по параллельному тротуару и тоже вышел на Соборную. Японец стоял и смотрел на площадь. Степан тоже остановился, и, пока японец не двинулся, он мог несколько минут оглядеться. Он уже знал эту площадь как свои пять пальцев, она ему очень нравилась, в центре её был красивый деревянный, как игрушечный, собор, где он провёл опознавательную явку с Енисеем. Город вообще показался ему совсем русским, как и говорил Саньгэ; в нём не было ничего китайского, многие дома были похожи на хабаровские, даже ленинградские, такие же красивые. За годы с сорок первого Харбин был его вторым городом, кроме Москвы, конечно. В сорок втором был немецкий город Эберсвальдэ, но там было не до обозрений. Как-то он проходил мимо одного красивого особняка, потом у старшего группы спросил, а что это, и неожиданно тот сказал, что это особняк Геринга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.